

<http://www.bulletennauki.com>

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ / JURISPRUDENCE

УДК 344.12"452"(470+571)

**СОЧЕТАНИЕ ПРИНЦИПОВ ОБЪЕКТИВНОГО И СУБЪЕКТИВНОГО ВМЕНЕНИЯ  
В ВОЕННО–УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ XVIII — НАЧАЛА XIX В. В.**

**THE COMBINATION OF THE PRINCIPLES OF OBJECTIVE AND SUBJECTIVE  
INPUTATION IN THE MILITARY–CRIMANL LAW OF RUSSIA  
IN THE XVIII — THE BEGINNING OF THE XIX CC.**

©*Берестенников А. Г.*

*Иркутский юридический институт  
Всероссийского государственного университета юстиции*

*г. Иркутск, Россия*

*Alex-Blitz@yandex.ru*

©*Berestennikov A.*

*Irkutsk legal institute*

*All–Russian state university of justice*

*Irkutsk, Russia*

*Alex-Blitz@yandex.ru*

*Аннотация.* В работе рассмотрены вопросы, связанные с сочетанием принципов объективного и субъективного вменения в военно–уголовном праве России XVIII — начала XIX в. в. Проведен сравнительно–правой анализ военно–уголовного законодательства, приведены точки зрения дореволюционных исследователей на указанную проблему.

Основные методы исследования: формально–юридический, сравнительно–правовой, конкретно–исторический.

В процессе работы получены сведения о том, что военно–уголовное право России XVIII — начала XIX в. в. подчинялось принципу объективного вменения. Его противоположность — принцип субъективного вменения учитывался законодателем по остаточному принципу, а иногда и вовсе не учитывался.

В частности, установлено, что законодательным актам начала XVIII в. были известны некоторые субъективные признаки преступления, которые учитывались в процессе квалификации. Однако они располагались в тексте законов стихийно и не имели под собой проработанных теоретических концепций. По этой причине соответствующие памятники права следовали принципу объективного вменения. Значительное количество правовых механизмов, апеллировавших к субъективным признакам преступления, было закреплено в Воинских артикулах. Именно с ними связано точечное закрепление в тексте уголовного закона принципа субъективного вменения при общем подчинении принципу объективного вменения. Вместе с тем законодательные акты, принятые после Воинских артикулов, были построены куда более примитивно, поскольку предлагали квалифицировать преступления по фактическим последствиям и без учета психологического отношения лица к содеянному. Причины такой тенденции следует искать в содержании указанных памятников права. Все они заключали в себе нормы–правила, которые соответствовали конкретным составам преступлений. Столь

<http://www.bulletennauki.com>

утилитарный характер нормативного материала не позволял законодателю проработать общие положения и *ipso facto* однозначно решить вопрос относительно вменения и вменяемости.

Проанализированы перспективы использования полученных результатов в правотворческой деятельности при работе над положениями Общей части Уголовного кодекса РФ. Установлена взаимосвязь между качеством нормативного материала — его структуры и содержания — и принципом субъективного вменения.

*Abstract.* The article presents the problem of the combination of the principles of objective and subjective imputation in the military–criminal law of Russia in the XVIII — the beginning of the XIX centuries. It contains a comparative analysis of the military–criminal legislation and some points of view of some prerevolutionary authors about the above–mentioned question.

Basic methods of research: technical, comparative, historical.

After the research the author comes to conclusion that the military–criminal law of Russia of the XVIII — the beginning of the XIX centuries followed the principle of objective imputation. It's antithetic — the principle of subjective imputation was taking into consideration by the legislator according to the leftover rule, sometimes — was not taking into consideration at all.

In particular, the author finds that the legislative acts of the beginning of the XVIII century comprised of some subjective elements of the crime which were taking into account in the process of qualification. However they were set in the acts unsystematically, because there were no any theoretical concepts referring to them. That is why the correspondent monuments of law followed the principle of objective imputation. There were a significant number of law mechanisms appealing to the subjective elements of the crime in the Articles of war. Exactly this act had relation to the local legislative consolidation of the principle of subjective imputation whereas the main principle was still of objective imputation. Along with this the legislative acts adopted after the Articles of war were much more primitive, and offered to qualify the crimes by objective consequences without taking into account physiological attitude to the action. The causes of this trend laid in the content of the above–mentioned monuments of law. They only contained articles correspondent to the special components of a crime. Such utilitarian character of the rules did not allow the legislator to elaborate the common articles and *ipso facto* resolve the problem of imputation and imputability.

The author analyses the perspectives of the usage of the of the article's results in the legislative activity over the Common part of the Criminal Code of The Russian Federation. He finds the interconnection between the quality of the rules of law — theirs content and structure — and the principle of subjective imputation.

*Ключевые слова:* военно–уголовное право, принцип субъективного вменения, принцип объективного вменения, квалификация преступлений, вменяемость.

*Keywords:* military–criminal law, principle of subjective imputation, principle of objective imputation, qualification of the crimes, imputability.

Принцип вины положен в основу современного уголовного права России. Он предполагает неразрывную связь субъективных и объективных признаков преступления. С одной стороны, лицо может нести уголовную ответственность лишь за те свои желания и намерения, которые реально воплотились в общественно опасном деянии. С другой стороны, никакие вредные для общества деяния и их последствия не могут служить основанием уголовной ответственности, если они не определялись психическим отношением лица [1, с. 114; 2, с. 49; 3, с. 18].

<http://www.bulletennauki.com>

Подобное понимание принципа вины является общепринятым, однако так было далеко не всегда. Сегодняшняя интерпретация данного принципа — результат длительной эволюции уголовного права. Представляется, что рельефно этот процесс прослеживается в период с XVIII по начало XIX в. в. По той причине, что на протяжении этого времени уголовное право России отдельно регулировало правоотношения по поводу преступлений против военной службы, выбор именно военно–уголовной сферы в качестве предмета исследования настоящей работы является закономерным.

В обоснование выбора указанного временного промежутка в качестве предмета исследования положен ряд факторов, такие, в частности, как масштаб изменений источников военно–уголовного права, а также уровень развития юридической техники составления законодательных актов.

Основными источниками военно–уголовного права на первом этапе были Уложение, или право воинского поведения, графа Шереметева [4, с. 7–14], Краткий артикул [5, с. 138–150], Воинские артикулы [6, №3006.], Морской Устав [7, №3485], Воинский устав о полевой пехотной службе 1796 г. [8, №17588], Устав о полевой кавалерийской службе 1796 г. [8, №17590], а также Полевое уголовное уложение Большой действующей армии 1812 г. [9, №24975]. Многочисленные партикулярные акты вопросов вменения не касались, по причине чего ниже не рассматриваются.

Указанные источники права объединяет одна закономерность — следование принципу объективного вменения при привлечении лица к ответственности. Он предполагал, что для постановления обвинительного приговора не требовалось устанавливать виновного отношения лица к содеянному, то есть взаимосвязи между объективно–противоправным деянием и его субъективным восприятием.

Представляется, что к показателям наличности указанного принципа следует относить закрепленные в том или ином законодательном акте формы вины, обстоятельства, исключаяющие преступность деяния, смягчающие и отягчающие наказание, а равно квалифицированные и привилегированные составы, апеллировавшие к признакам субъективной стороны преступления.

В Уложении Шереметева и в Кратком артикуле отсутствовали общие положения, которые бы регламентировали концептуальные вопросы вменения. В отличие от современного законодательства, эта проблематика в рассматриваемых памятниках права разрешалась непоследовательно в рамках отдельных составов преступлений.

Так, в гл. V Уложения Шереметева встречалось упоминание умышленного убийства, в гл. IV Краткого артикула — умышленного зажигательства. Между тем эти деяния наказывались квалифицированной смертной казнью — четвертованием и сожжением соответственно — наравне с иными тяжкими преступлениями, в которых упоминания формы вины не встречались. Речь идет, например, об измене, переметывании к неприятелю, противоестественном блуде, содомском грехе и т. д. Следовательно, субъективная сторона в форме умысла специально не оценивалась законодателем и с этой точки зрения упоминалась как бы между прочим. Косвенным подтверждением этого вывода является известная формула Уложения Шереметева: «кто играл оружием и оттого причинил какой-либо вред, «то он также наказан будет, как будто нарочно сделал». Представляется, что такое видение преступления ориентировало практику принимать во внимание, прежде всего, степень причиненного вреда, а не характер внутренней виновности [10, с. 409].

Нахождение в состоянии алкогольного опьянения в обоих правовых актах не препятствовало вменению и в соединении с преступным деянием влекло более строгое наказание. В соответствии с Уставом Шереметева лицо, причинившее смерть при необходимой

<http://www.bulletennauki.com>

обороне, по усмотрению суда могло быть освобождено от наказания, в то время как согласно Краткому артикулу оно избавлялось лишь от смертной казни, подвергаясь так называемому «презызычайному» (чрезвычайному) наказанию. Схожее отношение обоих законодательных актов к неосторожному убийству или к совершенному в беспамятстве. По Уложению суд мог признать лицо, в отношении которого инициировано уголовное преследование, невменяемым, в то время как по Краткому артикулу виновный рядовой подвергался прогнанию сквозь строй, унтер-офицер разжалованию и приковыванию к полу, а офицер отказу от службы без абшиду [11, с. 64–71].

Таким образом, Уставу Шереметева и Краткому артикулу были известны некоторые субъективные признаки преступления, которые принимались в соображение в процессе квалификации. Однако данные признаки располагались в тексте законов стихийно и не имели под собой проработанных теоретических концепций. По этой причине далеко не всегда они состояли во взаимосвязи с видом наказания, который предусматривался санкцией. Сами законы не во всех случаях обнаруживали преемственность в разрешении одних и тех же правовых проблем, касающихся субъективной стороны состава преступления. Логично сделать вывод, что Устав Шереметева и Краткий артикул подчинялись принципу объективного вменения. Это означает, что, несмотря на вышеуказанные обстоятельства, процесс квалификации преступлений сводился к констатации общественно-опасных последствий преступного деяния без установления психического отношения виновного лица к содеянному. В тесном смысле этого слова речь шла не о виновности, а о причастности к преступлению, то есть объективному вменению.

Между тем справедливо будет утверждать, что в данных законодательных актах имелись некоторые предпосылки принципа субъективного вменения, который впоследствии закрепится в уголовном праве.

Для Воинских артикулов был характерен более высокий уровень юридической техники, чем для Устава Шереметева и Краткого артикула. Это обстоятельство позволило законодателю более детально проработать отдельные нормы и институты, касающиеся рассматриваемой проблематики.

Во-первых, данным памятником права выделялись формы вины в виде умысла и неосторожности. В отсутствие общих положений, которые бы регламентировали порядок и условия привлечения лица к уголовной ответственности, это выделение так же, как и в случае с Уложением Шереметева и Кратким артикулом, было непоследовательным и производилось законодателем за счет отдельных составов преступлений.

Так, ссылка на умысел имелась в арт. 87: «ежели учинится пожар в квартире с умыслу, тогда виноватый в том наказан будет, яко зажигальщик»; в арт. 202: «ежели кто с умыслу, лживое имя или прозвище себе примет, и некоторый учинит вред, оный за бесчестного объявлен и по обстоятельству преступления, наказан быть имеет» и др.

Упоминание неосторожности имелось в арт. 6: «ежели слова одного ругателя (Девы Марии и Святых — прим. автора) никого в себе хуления не содержат, а токмо из легкомыслия произошли, а учиниться то единожды или дважды, тогда имеет преступитель 14 дней в железо заключенным быть...».

В арт. 154 был предусмотрен единственный в своем роде состав преступления с двойной формой вины, умышленной по отношению к причинению тяжкого вреда здоровью и неосторожной к последующему наступлению смерти потерпевшего: «ежели сыщется, что убиенный был бит, а не от тех побоев, а от других случаев, которые к тому присовокупились, умрет, то надлежит убийцу не животом, но по рассмотрению судейскому наказать или тюрьмой, или денежным штрафом, шпицрутенами».

<http://www.bulletennauki.com>

Примечательно, что формы вины не существовали отдельно от последствий преступного поведения, в ряде случаев состояли в прямой причинно-следственной связи с наказанием. Эта закономерность прослеживается на примере арт. арт. 158–159.

Так, в силу арт. 158 «ежели учинится смертный убой, хотя ненарочно и неволею, чтоб кого убить или поранить, однако сочинитель того виновен есть, понеже убийства от того произошло: и такое наказание исполнится над виновным по делу и состоянию оною, и какую вину в том имеет, или тюрьмой, денежным наказанием, шпицрутеном или сему подобным»; «ежели кто кого с ненависти толкнет, или что с злости на него бросит, или учинит ему что из недружбы, от чего умрет, то оный обыкновенной смертной казни подвержен». Между тем в соответствии с арт. 159 «весьма неумышленное и ненарочное убийство, у которого никакой вины не находится, оное без наказания опустится». Не вызывает сомнения соответствие между внутренним отношением лица к преступлению и наказанием за его совершение. Думается, что наличность такой практики свидетельствует о зарождении интереса к субъективному вменению.

Во-вторых, Военскими артикулами предусматривались случаи «душевной болезни» и «беспамятства», при которых лицо освобождалось от уголовного наказания (арт. арт. 164, 195). При этом в соответствии с арт. 43 к таким случаям не относилось состояние алкогольного опьянения.

Наконец, в двух ситуациях считались извинительными неведение или заблуждение лица относительно таких обстоятельств, вследствие которых совершенное действие влекло уголовную ответственность: при неведении того, что лицо, с которым оно вступает в брак, уже состоит в другом браке (арт. 172); а также при нарушении сальвогвардии, когда нападавшему на момент юридической значимой ситуации не было известно о ее существовании (арт. 23).

Принимая во внимание указанные обстоятельства, можно прийти к заключению, что, в отличие от Устава Шереметева и Краткого артикула, Военские артикулы куда в большей степени обнаруживали последовательность в вопросах закрепления правовых механизмов, позволявших учитывать некоторые субъективные признаки преступления в процессе квалификации. Главное, что эти признаки не просто декларировались, они состояли в прямой причинно-следственной связи с наказанием. Следовательно, без их учета нельзя было правильно квалифицировать преступление и применить закон. Представляется, что эти обстоятельства свидетельствуют о точечном закреплении принципа субъективного вменения в Военских артикулах. Между тем было бы неверным утверждать, что данный принцип являлся руководящим.

В самом деле, большинство норм рассматриваемого законодательного акта — порядка 180 из 209 — не давало четких указаний на то, с какой формой вины совершается то или иное преступление. Как правило, их диспозиции были сформулированы в общем виде. По этой причине вывод об умысле либо неосторожности можно было сделать только из содержания преступного деяния, следовательно, вопрос наказуемости разрешался исходя из характера общественно опасных последствий содеянного. Данные факты позволяют прийти к выводу, что Военские артикулы в своей основе подчинялись принципу объективного вменения.

Оценка Морского устава частично схожа с оценкой Военских артикулов. В отдельных его статьях наличествовало косвенное закрепление форм вины в виде умысла и неосторожности (ст. ст. 126, 137 и др.) при отсутствии общих положений относительно вменения и вменяемости. Между тем большинство норм данного акта не предусматривало взаимосвязи между внутренней виновностью и характером причиненного вреда.

Показательной является ст. 112 Морского устава, по которой наказывалось убийство по неосторожности: «ежели какое убийство (с применением оружия на воинской службе — прим. автора) учинится, хотя и ненарочное, но от небрежения или от неосмотрения, то

<http://www.bulletennauki.com>

виновный оштрафован будет ссылкой на галеру, лишением чина, наказанием на теле, по важности вины смотря». Акт легального толкования, следовавший за данной нормой, подробно описывал фактические обстоятельства казуса, связанного с небрежным отношением к оружию, однако никак не раскрывал их психического отношения к содеянному. Вывод о виновности преступника делался на основании общественно опасных последствий. При таких обстоятельствах субъективная сторона из самостоятельного элемента состава преступления редуцировалась до вспомогательного, что соответствовало принципу объективного вменения.

В проекции вопросов вменения и вменяемости Воинский устав о полевой пехотной службе 1796 г. был построен весьма примитивно. Во-первых, он не содержал общих положений, не предусматривал обстоятельств, исключавших преступность деяния, смягчавших и отягчавших наказание, а равно квалифицированных и привилегированных составов, апеллировавших к признакам субъективной стороны преступления. Принимая во внимание наличие лишь руководящего положения о том, что в области карательной политики следовало «не прощать ни малейших ошибок», «а кто с намерением ошибется, того после учений наказать» (п. 13 гл. II), следует предположить, что принцип объективного вменения в нем был даже усилен вследствие полного отсутствия правовых механизмов установления внутреннего отношения лица к содеянному. Эти же особенности были присущи Уставу о полевой кавалерийской службы 1796 г.

Полевое уголовное уложение было принято 27 января 1812 г. в рамках мероприятий по ведению войны с Наполеоном. Особенностью нормативно-правового акта являлся выражено практический уклон: он состоял только из норм-правил, объединенных в VII глав. Особенностью данных норм было то, что они ориентировали правоприменителя на квалификацию преступлений по фактическим последствиям, что соответствует принципу объективного вменения. Во-первых, в данном законодательном акте не имелось правил общего характера, которые определяли бы понятия вменения и вменяемости; во-вторых, в нем предельно сжато были сформулированы диспозиции норм-правил, из которых буквально не следовало, с какой формой вины совершалось то или иное преступление. К этому следует добавить отсутствие обстоятельств, по которым содеянное не вменяется в вину, а также квалифицированных и привилегированных составов, выделенных из простых на основании признаков субъективного характера.

Столь «консервативный» подход законодателя к тексту Полевого уголовного уложения следует объяснить большой спешкой, с которым составлялся его проект. На момент принятия данного законодательного акта Россия находилась в состоянии войны, поэтому юристы не располагали возможностью основательного проработать вопрос субъективного вменения. Кроме того, особенностью военной службы является пониженная планка толерантности к противоправным деяниям вне зависимости от качества вины, с которыми они совершены. Главная задача — это установление дисциплины, поэтому вопрос безупречности квалификации традиционно отходит на второй план.

Таким образом, после принятия Воинских артикулов российское уголовное право ничем «не отметилось» в вопросе субъективного вменения. Напротив, законодательные акты, принятые в конце XVIII — начале XIX в. в., были сформулированы более примитивно, чем усилили принцип объективного вменения. Думается, что именно к концу исследуемого периода данный принцип стал занимать доминирующее положение, сводя случаи субъективного вменения в разряд исключений, находящихся на грани статистической погрешности.

Причины такой тенденции следует искать в содержании указанных законодательных актов. Все они заключали в себе лишь нормы-правила, которые соответствовали конкретным составам преступлений. Столь утилитарный характер нормативного материала не позволял

<http://www.bulletennauki.com>

законодателю проработать общие положения и *ipso facto* однозначно решить вопрос относительно вменения и вменяемости. Правомерность этого заключения подтверждается опытом принятия Военно–уголовного устава 1839 г. [12] и в особенности Воинского устава о наказаниях 1867 г. [13], в котором имелась общая часть, вполне преодолевшая указанные недостатки. Логично, что при этом процесс квалификации стал строиться на синтезе объективных и субъективных признаков преступления, а право фактически «переподчинялось» принципу субъективного вменения.

Таким образом, военно–уголовное право России XVIII — начала XIX в. в. подчинялось принципу объективного вменения. Его противоположность — принцип субъективного вменения учитывался законодателем стихийно и по остаточному принципу, а иногда и вовсе не учитывался в отсутствие главной своей предпосылки — основательно проработанных общих положений уголовного закона. Эта историческая закономерность накладывает на современного законодателя особую ответственность за содержание Общей части Уголовного кодекса РФ. Именно ее институты являются гарантией учета психического отношения лица к содеянному в процессе криминализации деяний законодателем, а также квалификации и индивидуализации наказания правоприменителем. Слишком «практический» или «утилитарный» уклон в этом вопросе, напротив, будет создавать предпосылки для перегибов, которые возродят принцип объективного вменения, что, как представляется, не пойдет на пользу уголовному праву.

#### *Список литературы:*

1. Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М.: Наука, 1988. 176 с.
2. Наумов А. В. Российское уголовное право: общая часть. Курс лекций: в 3-х т. Т. 1. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2007. 736 с.
3. Здравомыслов Б. В. Понятие, предмет, задачи и принципы уголовного права // Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Б. В. Здравомыслова. М.: Юрист, 1996. 509 с.
4. Начертание о начале и успехах в устройении регулярного войска и морского флота в России: пер. с нем. / под ред. В. Иванова. М., 1798.
5. Наука и литература в России при Петре Великом. Исследование Пекарского. Т. 2. Описание славяно–русских книг и литографий. СПб., 1862. 701 с.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. V. СПб., 1830.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. VI. СПб., 1830.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXIV. СПб., 1830.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXII. СПб., 1830.
10. Филиппов А. Н. О наказаниях по законодательству Петра Великого в связи с реформою. М., 1881. 470 с.
11. Розенгейм М. П. Очерк истории военно–судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878. 376 с.
12. Свод военных постановлений. Ч. 5: Устав военно–уголовный: в 2-х книгах. СПб., 1839. 161 с.
13. Свод военных постановлений 1869 года. Часть VI. Военно–уголовные уставы. Кн. 22–24. СПб., 1879. 267 с.

#### *References:*

1. Kelina S. G., Kudryavtsev V. N. Printsipy sovetskogo ugolovnogogo prava [The principles of Soviet Criminal Law]. Moscow, Nauka, 1988, 176 p.

<http://www.bulletennauki.com>

2. Naumov A. V. Rossiiskoe ugolovnoe pravo: obshchaya chast' [Russian criminal law: general part]. Lecture course: in 3 v., v. 1., 4th ed., revised and supplemented. Moscow, Volters Kluver, 2007, 736 p.
3. Zdravomyslov B. V. Ponyatie, predmet, zadachi i printsipy ugolovno go prava [The concept, subject, objectives and principles of criminal law]. Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast' [Criminal Law of the Russian Federation. a common part]. Ed. by B. V. Zdravomyslova, Moscow, Yurist, 1996. 509 p.
4. Nachertanie o nachale i uspekhakh v ustroenii regulyarnogo voiska i morskogo flota v Rossii [Inscription on the beginning and progress in the dispensation of the regular army and navy in Russia]: translation from German. Ed. by V. Ivanova. Moscow, 1798.
5. Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom. Issledovanie Pekarskogo [Science and Literature in Russia under Peter the Great. Research Pekarsky]. V. 2. Opisanie slavyano–russkikh knig i litografii [Description of the Slavo-Russian books and lithographs]. St. Petersburg, 1862, 701 p.
6. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The meeting first]. V. V. St. Petersburg, 1830.
7. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The meeting first]. V. VI. St. Petersburg, 1830.
8. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The meeting first]. V. XXIV. St. Petersburg, 1830.
9. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The meeting first]. V. XXII. St. Petersburg, 1830.
10. Filippov A. N. O nakazaniyakh po zakonodatel'stvu Petra Velikogo v svyazi s reformoyu [On penalties under the law of Peter the Great in connection with the reform]. Moscow, 1881, 470 p.
11. Rozengeim M. P. Ocherk istorii voenno–sudnykh uchrezhdenii v Rossii do konchiny Petra Velikogo [Outline of the history of the military and judicial institutions in Russia before the death of Peter the Great]. St. Petersburg, 1878, 376 p.
12. Svod voennykh postanovlenii [Set of military regulations]. Part 5: ustav voenno–ugolovnyi [Military Criminal Statutes]: in 2th books. St. Petersburg, 1839, 161 p.
13. Svod voennykh postanovlenii 1869 goda [Set of military regulations in 1869]. Part VI, voenno–ugolovnye ustavy [Military criminal statutes]. Books 22–24. St. Petersburg, 1879, 267 p.

*Работа поступила в редакцию  
12.03.2016 г.*

*Принята к публикации  
16.03.2016 г.*